

Съ развѣдчицами 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка).

(Продолженіе ¹⁾).

Мимолетные мои очерки и выводы объ охотѣ въ сибирской тайгѣ внушены мнѣ не столько «профессиональной» страстью, какъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвели на меня статьи объ охотѣ Витмера, напечатанныя когда то въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ страстномъ, увлекательномъ тонѣ г. Витмеръ рисовалъ всѣ прелести охоты и доказывалъ необходимость и пользу увлеченія этимъ спортомъ именно офицеровъ. Вальдшнепы, кулики, зайцы, прогулки по болотамъ въ охотничьихъ сапогахъ... Сколько прелести, сколько поэзіи!

Не менѣе убѣжденно и страстно ему возражалъ г. Кривцовъ, не усматривающій въ охотничьемъ спортѣ ни возвышающей души поэзіи, ни школы какихъ либо особенныхъ воинскихъ добродѣтелей.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 4.

Пробывъ почти восемь лѣтъ въ суровой школѣ сибирскаго развѣдчика, я всецѣло присоединяюсь къ мнѣнію: цѣнна не сама охота, а борьба съ природой. Да, въ Сибири чудная охота, не хуже, чѣмъ гдѣ либо въ дебряхъ Канады или Сѣверной Америкѣ. Но попробуйте мѣсяцами побродить по тайгѣ безъ дорогъ, безъ вожатыхъ, по поясъ въ снѣгу, замерзая отъ стужи, мучаясь отъ голода и жажды, употребляя въ пищу павшихъ лошадей, случайно убитыхъ галокъ—и вы придете къ выводу, что заманчива и увлекательна до страсти не охота, а та обстановка, которая создается охотой—борьба до послѣдняго напряженія съ неумолимо жестокой природой, ощущеніе остраго ужаса въ минуту встрѣчи съ ранеными, но не добытыми медвѣдями.

Гоняясь за «кряковыми» утками по Дудергофскимъ болотамъ, петербургскій охотникъ съ расшитымъ ягташемъ далеко отъ пониманія истинной поэзіи охоты. Воскресная охота съ гигиенической цѣлью, конечно, является спортомъ, достойнымъ поощренія, наряду съ лаунъ-теннисомъ и бриджемъ.

Истинный вѣковѣчный смыслъ охоты—это или борьба съ хищными звѣрями, облава на волковъ, добываніе медвѣдя изъ зимней берлоги—или же необходимость «добыть запаса». А чтобы накормить команду, нужно подстеречь сохатаго или пару козловъ—мясо пойдетъ въ артельный котелъ, шкура на бродни. А стрѣлять по зайцу здѣсь дѣло зазорное. Заяць—по сибирски ушканъ—считается нечистымъ «семишкурнымъ» животнымъ и въ пищу употребляется только въ случаѣ голодовки.

Прибыли гонцы съ извѣщеніями, что выступившая изъ Минусинска 4-я рота уже дошла до деревни Означенной и двинулась дальше по Енисею. Съ часу на часъ ожидалось прибытіе съ большими усиліями мобилизованной усинской дружины.

Лютый морозъ стоялъ на дворѣ; захватывало дыханіе; сизые столбы дыма высоко вздымались надъ занесенными снѣгомъ домами поселка. Изрѣдка поднимется воронъ и, тяжело прорѣзая воздухъ, оставляя за собой струю пара. Въ безмолвной тишинѣ рѣзко гремѣли, время отъ времени, раскаты ударовъ, напоминающихъ отдаленные пушечные выстрѣлы. Это ломались громадныя пласты ледяного покрова. Безпрестанно мѣняя свой уровень, Енисей выпиралъ могучей силой бурливаго теченія глыбы льда и тогда съ

грохотомъ и трескомъ рвало ледъ, потоки воды на далекое пространство заливали Енисей, образуя такъ называемые «наледы». Выступившая вода, конечно, скоро замерзаетъ, обыкновенно уже къ ночи. Но двигаться по застывшей наледи опасно. Тонкій слой наледи скрываетъ отъ глазъ глубокія трещины матераго льда. Образовавшіяся такимъ образомъ пустоты и наслоенія не выдерживаютъ тяжести лошади и груженныхъ саней. Хорошо, если путникъ, отдѣлавшись только ледяной ванной, не попадетъ въ широкую трещину разрыва—оттуда нѣтъ возврата.

Но вотъ, наконецъ, пришли молодцы, «франтиреры» усинскіе. Нестройной толпой собрались они во дворъ Моховскаго дома, ожидая выхода начальства. Съ заиндивѣвшими бородами, въ бродняхъ, валенкахъ, въ полущубкахъ, нѣкоторые въ мѣховыхъ сойотскихъ халатахъ, дружинники не производили впечатлѣнія грозной боевой силы. Берданки у нѣкоторыхъ носились на погонномъ ремнѣ, у другихъ на плечѣ, съ примкнутымъ штыкомъ. Во дворъ къ нимъ вышелъ пограничный начальникъ.

Его встрѣтили криками, сумбурными жалобами, галдежомъ.

«Доложите полковнику, что не по справедливости!»

«Насъ выгнали зря! Буццовъ, вишь, ослобонили, а насъ, въ опоркахъ которые, назначили!»

Растерявшійся пограничный начальникъ вернулся и доложилъ полковнику, что «настроеніе духа угнетенное».

Полковникъ П., полюбовавшись черезъ окно дружиной, приказалъ мнѣ водворить порядокъ и принять начальство.

«Объявите, что завтра выступимъ на Кемчикъ!»

Я вышелъ на дворъ. Морозный паръ стоялъ надъ галдѣвшей толпой. Меня обступили съ тѣми же криками и жалобами. Отъ нѣкоторыхъ разило сивухой.

«Которые по списку—тѣхъ ослобонили! А насъ, вотъ, пѣшихъ погнали!»

Я вызвалъ своихъ развѣдчиковъ и приказалъ унтеръ-офицеру выстроить дружинниковъ. Кое-какъ ихъ пересчитали. Оказалось всѣхъ 60 человекъ. Стали переписывать. Но галдежъ не прекращался. Громче всѣхъ горланилъ высокій бородатый мужикъ, стоявшій на правомъ флангѣ.

«Мы жаловаться будемъ! Нѣтъ такого закона! Домой же-лаемъ!»

Моментъ былъ критическій. Всѣ мои окрики заглушались нестройнымъ гуломъ голосовъ. Я оглянулся на своихъ развѣдчиковъ.

Въ рукахъ у нихъ оказались винтовки, хотя я объ этомъ не отдавалъ приказанія. Васильевъ, надрываясь тоненькимъ голоскомъ, старался возстановить порядокъ.

«Чего глядѣть! Пойдемъ къ полковнику—пущай насъ ослобонять!» ревлѣлъ правофланговый.

Я подскочилъ къ нему.

«Замолчи! Помни, что я вашъ начальникъ!»

Въ отвѣтъ мнѣ раздалось дерзкое слово.

И въ слѣдующую минуту онъ уже барахтался на снѣгу. Сразу возстановилась тишина.

Только теперь стали прислушиваться къ моимъ словамъ.

«Не варнаки вѣдь вы, а дружинники усинскіе! Пойдите за общество! Стыдно вамъ, какъ бабамъ плакаться! Прежде службу отслужи, а тогда уже разберемъ, кого обидѣли. Эй ты, борода паклей, что винтовку какъ оглоблю держишь! Изъ запасныхъ вѣдь? Исполни службу!»

«Такъ точно, ваше благородіе!» оскаливъ зубы, отвѣтилъ дружинникъ уже инымъ тономъ; «въ 24 полку служилъ, подъ Ляояномъ былъ!»

Черезъ нѣсколько минутъ былъ произведенъ расчетъ, дружина выравнена, разбита на взводы и отдѣленія и на привѣтствіе вышедшаго на дворъ полковника отвѣтила дружнымъ и громкимъ «здравія желаемъ!»

Старшимъ я назначилъ единственнаго верхового, бывшаго фельдфебеля Типилина. Нашлись и взводные изъ запасныхъ. При ихъ помощи я осмотрѣлъ винтовки, патроны, обувь и освободилъ 3-хъ человекъ съ изъязвленными ногами отъ похода. Выступление было назначено съ разсвѣтомъ, на другой день. На ночь людей размѣстили по домамъ поселка. Довольствоваться дружинники должны были собственнымъ попеченіемъ запасами, захваченными изъ дому. Провинившійся дружинникъ, Рыбаловъ по фамиліи, былъ посаженъ подъ арестъ, въ хозяйскій амбаръ.

Только что рассказанная характерная сценка, гдѣ рисуется магическая сила «удара зубокрушительнаго», служить подтвержденіемъ того, что бываютъ положенія, прямо безвыходныя, когда малѣйшій признакъ растерянности часто приводитъ къ губительнымъ результатамъ.

Справиться съ толпой, лишенной навыка повиноваться, не признающей авторитета незнакомаго начальника, задача неблагоприятная, иногда прямо непосильная.

И я надѣюсь, что даже крайній послѣдователь Драгомировской аксіомы: «Нельзя драться!» проститъ меня за примѣненіе физическаго воздѣйствія.

Стыдно драться! Нѣтъ ничего позорнѣе для офицера, какъ наносить зуботычины стоящему на вытяжкѣ въ строю солдату.

Но въ данномъ случаѣ было не то.

Я долженъ былъ исполнить данное мнѣ приказаніе, а какъ я могъ заставить озлобленную возбужденную толпу слушаться меня, вышедшаго къ нимъ въ полушубкѣ, въ шапкѣ безъ кокарды и прочихъ знаковъ отличія?

Оказалось, между прочимъ, что пощечина произвела не только достодолжный эффектъ, но и досталась по заслугамъ: «принечатанный» мною дружинникъ дѣйствительно былъ коноводомъ, разжигалъ неудовольствіе и добивался роспуска дружины. Дѣйствительную службу онъ отбывалъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ и среди своихъ односельчанъ пользовался незавидной репутаціей.

«Политикъ онъ и конокрадъ! А лихо ему портретъ-то!...» съ явнымъ одобреніемъ отзывались дружинники, дѣлаясь въ послѣдствіи своими впечатлѣніями.

Предстоящій поискъ, по данной мнѣ инструкціи, имѣлъ цѣлью удостовѣрить стоять ли еще урянхайскіе караулы на устьѣ Кемчика вблизи пограничнаго знака № 24 и по рѣкѣ Ургуни. Караулы было приказано снять, а мирно кочующихъ сойотъ не трогать; затѣмъ отрядъ, въ составѣ команды и дружины, долженъ былъ вернуться обратно въ Усть-Усинское.

Веденіе дипломатическихъ переговоровъ пока затормозилось, въ виду неприбытія изъ Улясутая представителя китайскихъ властей. Въ высшихъ сферахъ считали, что только при содѣйствіи Улясутайскаго дзянь-дзюня, получившаго непосредственныя директивы изъ Пекина, удастся уладить непріятный инцидентъ. Тайны дипломатіи непостижимы.

Но такъ какъ и самого Ухериду Хейдубу нельзя было считать «quantité negligible», а при извѣстной двуличности китайскихъ властей отъ нихъ можно было ожидать не суровыхъ репрессій, а скорѣе тайной поддержки зазнавашагося князя, то рѣшеніе полковника П. расширить раіонъ дѣйствій отряда нужно признать весьма цѣлесообразнымъ.

Развѣдчики двинулись въ авангардѣ, дружинники составляли главные силы. Размашистымъ, гимнастическимъ шагомъ шли солдаты, безъ приваловъ и передышекъ: «пускай чувствуютъ челдоны!».

Какъ ни старались бѣдные дружинники, но угнаться за развѣдчиками было имъ не вмоготу. Согнувшись подъ тяжестью берданки, скользя въ своихъ бродняхъ по торосу, они скоро выбились изъ силъ. Колонна растянулась на нѣсколько верстъ.

Рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, ледяныя снѣжинки залѣпляли глаза, наростали сосульками на усахъ и бородѣ.

Въ часъ дня былъ сдѣланъ приваль. Идущіе въ головѣ дозоры достали изъ вещевыхъ мѣшковъ куски бересты, навалили груды сухостоя и мигомъ запыхалъ гигантскій костеръ. На приваль напились чаю, пожевали сухарей.

Понемногу стали подтягиваться отсталые. Развѣдчики надъ ними подтрунивали: «Эй, вы, Аники-воины, пошевеливай броднями! Какъ разъ къ кипяточку поспѣли!»

Сконфуженные милиціонеры подползали къ пылающему костру, доставали изъ-за пазухи деревянныя чашки, стараясь отогрѣться чаемъ и отдохнуть послѣ непривычнаго перехода. Въ котомкахъ, уложенныхъ заботливыми хозяйками, оказались изрядные запасы всякой домашней снѣди—сдобные сухари, шаньги, вяленое мясо, сало.

Только къ ночи, сдѣлавъ около 30 верстъ, отрядъ подошелъ къ устью Большой Урги. вмѣсто стоявшаго здѣсь когда-то зимовья, мы нашли только срубъ безъ крыши, безъ оконъ и дверей—вся обстановка зимовья оказалась расхищенной урянхами. Уцѣлѣли только нары вокругъ стѣны, да каменная кладка, на которой стояла желѣзная печка. Огонь пришлось развести прямо на полу. Бѣдный дымъ наполнилъ все помѣщеніе. На нарахъ нельзя было размѣститься всѣмъ людямъ. О снѣ нельзя было и думать. Я рѣшилъ продолжать движеніе, разбивъ отрядъ на двѣ части; унтеръ-офицеръ Васильевъ съ 15 развѣдчиками и 10 наиболѣе выносливыхъ дружинниковъ были направлены дальше по Енисею, съ тѣмъ, чтобы дойти до устья Кемчика и возстановить рарушенный пограничный знакъ № 24.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было приказано представить мнѣ кроки урочища. Я съ остальными людьми взялъ на себя болѣе трудную часть маршрута—подняться по ущелью рѣчки Ургуни до тропы въ верховьяхъ Куликема, гдѣ предполагались сторожевые посты урян-

ховъ. На зимовьѣ былъ оставленъ развѣдчикъ, съ приказаніемъ собрать отсталыхъ, дать имъ отдыхъ и ждать нашего возвращенія.

Бъ полуночи утихъ вѣтеръ. Мрачными причудливыми тѣнями стояли береговые утесы, неясно бѣлѣла широкая полоса Енисея и звѣзды казались необычно крупными и яркими, какъ будто видишь ихъ со дна глубокаго колодца. Люди шли понуро, безъ разговоровъ; изрѣдка вспыхивали красные огоньки цыгарокъ.

Стало свѣтать. Точно зарево пожара охватило зубцы горъ; яркими фіолетовыми тонами засвѣтились, загорѣлись края тучъ. А въ низинахъ заколебался туманъ, рѣдѣя и расплываясь почти на глазахъ, обнажаетъ камни, скалы и выступы береговыхъ громадъ. Теперь легче ориентироваться; виднѣется наѣзженный слѣдъ дороги. На этомъ участкѣ Енисея почти нѣтъ торося. Кое-гдѣ изъ подъ ледяного покрова торчатъ громадныя гранитныя утесы—это верхушки каменистыхъ острововъ, объ которыя въ лѣтнюю пору часто разбиваются плоты минусинскихъ торговцевъ.

«Козлы, ваше б-діе!» неистово закричали вдругъ развѣдчики. Выстрѣлъ—другой, затрещала частая стрѣльба и ожили молчаливые великаны, словно переключаясь между собой, загудѣли, загремѣли рокочущими отголосками.

А вспугнутые нами невзначай, очевидно во время водопоя, джимы уже понеслись вверхъ смѣлыми граціозными прыжками, высоко подгибая ноги и откинувъ назадъ голову съ красиво закругленными рогами.

Протяжными свистками я успѣлъ прекратить стрѣльбу. Все стихло, но еще въ глубинѣ горной щели замирали послѣдніе раскаты отголоска.

Джимы были теперь отъ насъ уже на далекомъ разстояніи. Нѣсколькими безумными скачками преодолѣвъ камни береговыхъ утесовъ, они помчались дальше, цѣпляясь стальными ногами за невидимыя карнизы обрывистой горы. «Прицѣль 14! Пальба взводомъ! Взводъ!»

Опять ожили, затряслись каменныя громады. Но и чистый выдержанный залпъ не далъ никакихъ результатовъ. Исчезли джимы за гребнемъ горы, увѣнчанной щетиной красноствольныхъ сосенъ. И мнѣ показалось, что старый козель-вожакъ остановился на мгновение и, потрясая бородой, взглянулъ съ усмѣшкой на насъ, стрѣлковъ, воспитанныхъ на казарменныхъ станкахъ и деревянныхъ мишеняхъ.

Отъ трескотни выстрѣловъ, запаха порохового дыму, люди сразу ожили. Пропало сонливое настроеніе. Заговорили дружинники:

«Ходить-то вы мастера, а стрѣлки—по прозванью только! На сто шаговъ звѣря промазали! Ужъ мы бы маху не дали, даромъ что у насъ Бердана!»

Задѣтые за живое, развѣдчики увѣряли, что собственными глазами видѣли, какъ «два разъ перевернулся козель», да пуля у насъ такая, несмертельная, съ ней хоть до перевязочнаго пункта до-скачешь.

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

